

Е. М. Лазуткина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lazutkelen@yandex.ru

В. П. ГРИГОРЬЕВ О НОРМАЛИЗАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИНГВИСТОВ

В статье рассказывается о научных взглядах В. П. Григорьева на процессы нормализации литературного языка, о его работе, напечатанной в журнале «Вопросы культуры речи» в 1961 году, которая была откликом на статью писателя А. Югова в «Литературной газете», где рассматривались неправильные конструкции типа *указывать о* и *проблема о* и выражалось отрицательное отношение к нормализаторской деятельности ученых. Полемизируя с Юговым, В. П. Григорьев разъясняет, что понятие «литературный язык» не тождественно понятию «язык художественной литературы», что писатель в своем творчестве может использовать все богатство национального языка. В. П. Григорьев призывает совершенствовать практику и теорию нормализации, языковой политики, подчеркивает, что нормативная деятельность лингвистов служит главной задаче — повышению культуры речи в обществе.

В настоящей статье показывается, что в XXI веке изменений в указанном фрагменте синтаксической системы не наблюдается. Для объяснения причины массовой ошибки автор использует понятие *синтаксическая позиция словоформы* и метод традиционного синтаксиса, который состоит в разделении глагольных связей, обусловленных функционированием слова в словосочетании и в предложении. У падежной формы с предлогом «о» слабая связь с управляющим словом и постоянная функция — название предмета речи. Это способствует формированию синтаксического клише.

Ключевые слова: литературный русский язык, синтаксис предложения, нормализаторская деятельность лингвистов.

В. П. Григорьев в 1961 году в III выпуске сборника «Вопросы культуры речи» опубликовал статью «О нормализаторской деятельности и «языковом пятачке»», которая была откликом ученого на статью писателя А. Югова «Эпоха и языковой «пятачок»», напечатанную в «Литературной газете» 15 и 17 января 1959 г., где

рассматривались конструкции типа *указывать о* и *проблема о* и затрагивался вопрос о влиянии нормализаторской деятельности лингвистов на развитие языка художественной литературы.

Писатель А. Югов, противник нормализации, критиковал ученых за то, что они якобы стремятся сохранить «языковой пяточок», не допустить в литературный язык просторечие. Ср. его доводы: «нормативная лексикография — пережиток»; «нормы русского языка были установлены «сверху», в императорской России; это классовые нормы»; «современные нормировщики — это охвостье буржуазно-дворянской России».

В. П. Григорьев показывает, что пафос статьи Югова строится на ложном тезисе «о реакционности всякой нормализаторской деятельности» [Григорьев 1961: 9]. В. П. Григорьев считает, что повышение культуры речи в обществе обеспечит «сознательная нормативная деятельность языковедов, обращенная к максимально широкому кругу носителей русского языка» [Григорьев 1961: 3–9]. В. П. Григорьев призывает филологов помещать на страницах «толстых» литературных журналов и газет квалифицированный и оперативный анализ языка современной прозы, поэзии и драматургии. Он останавливается и на недостатках толковых словарей: словарные статьи глаголов и существительных не содержат исчерпывающих указаний (помет), как употреблять слово в речи; «лингвистическая терминология далека от совершенства» [Григорьев 1961: 15].

Отвечая Югову, В. П. Григорьев разъясняет, что

1) понятие «литературный язык» не тождественно понятию «язык художественной литературы», что писатель в своем произведении может использовать все богатство национального языка («Подмена терминов всегда производит неприятное впечатление» [Григорьев 1960: 15]);

2) стилистические пометы отнюдь не порочат слова (например, помета «разг.» или «прост.»).

В. П. Григорьев пишет, что язык писателя должен формироваться не особым толковым словарем «без каких-либо стилистических помет», что «языковое чутье, стиль не могут быть выработаны по словарям. Это — дело всей жизни писателя, его общей культуры, таланта и т. д.» [Григорьев 1961: 9]; «перед каждым писателем лежит неисчерпаемая языковая палитра» [Григорьев 1961: 19].

Нюансы когнитивных процессов и коммуникативных ситуаций накопили в системе языка огромный репертуар разноуровневых средств. Эпистемический, ассоциативный, символичный мир языка находит свою репрезентацию не только в лексических элементах, но и в грамматических конструкциях и структурных отношениях разного уровня. Современные исследования делают актуальными высказывания Ф. И. Булаева, К. С. Аксакова, А. А. Потемни о мыслительной способности самого языка. Вполне оправданно лингвисты говорят о творческой потенции языка, о том, что «язык не воспроизводит, не копирует, не “озвучивает”, не “оплотняет” мысль, а вырабатывает ее и вводит в сознание человека» [Кручинина 2015: 4]. Язык не только и не столько отражает действительность, но выражает ее знаковым способом.

Литературный язык — это языковое пространство, которое делает участниками культурного общения максимально большое количество носителей национального языка. Д. Н. Шмелев писал, что нельзя отождествлять «литературный язык» и «язык художественной литературы» [Шмелев 2002: 253]. Об этом же говорит М. В. Панов: «Иногда думают, что литературный язык — это язык художественной литературы. Неверно! Литературный язык — это язык культуры во всем огромном смысле этого слова, т. е. язык науки, публицистики, художественной литературы, язык театра и радио, школы и прессы. И быта: в быту культурные люди общаются на литературном языке» [Панов 1972: 9]. В мировой лингвистической традиции принято считать, что литературный язык репрезентирует нацию.

В. П. Григорьев считает, что «нормы литературного языка меняются и не могут не меняться, а писатели вынуждены считаться с изменением этих норм. Можно и нужно совершенствовать практику и теорию нормализации, “языковой политики”, но важно всегда помнить, что предоставленная самой себе стихия “языкового океана” в наши дни нанесла бы трудно поправимый ущерб прежде всего развитию нашей художественной речи» [Григорьев 1961: 10–12].

На основе анализа большого материала В. П. Григорьев делает вывод, что указанная ошибка встречается в неподготовленной, чаще в устной спонтанной речи. Ср.: **Предыдущий оратор отметил о важности данной проблемы* (докл.); **Вот об этом-то я и извиняюсь* (разг.). Он отмечает, что эти неправильные конструкции не новое явление. Аналогичные ошибки встречались и в текстах XIX века, а языковеды А. М. Иванов, Л. П. Якубинский, В. А. Добромыслов называли подобные массовые ошибки в 30-х — 40-х годах XX в. «типичными оговорками “устно-бытовой” речи». В. П. Григорьев высказывает «предположение, что нормой они не станут» [Григорьев 1961: 8].

Как о слабом звене синтаксической системы об этих случаях пишет В. В. Виноградов: «Употребление предлога *о* после глаголов внутреннего восприятия, речи, чувства и душевных изъявлений... в современном русском языке все расширяется, охватывая все большую группу глаголов и семантически близких к ним имен существительных» [Виноградов 1947: 704].

Расширение функции предложного падежа делиберативного объекта, его экспансия отмечалась и З. Д. Поповой: «Наш материал свидетельствует, что для выражения делиберативного объекта просторечие предпочитает единую форму «*о* + предл.» [Попова 1974: 186].

Л. В. Щерба писал о значимости повторяющихся речевых ошибок: «их возможности заложены в данной языковой системе» [Щерба 1974: 36]. К этому можно добавить, что подобные нарушения сигнализируют о «сбоях» в процессе речепорождения, напоминают о том, что речевая деятельность, мгновенная и симультанная, биологична по своей сути. В речи слово оказывается «втянутым» в соотносительные ряды тематически близких линейных последовательностей разного типа.

В соответствии с теорией языковедов XIX в. так называемого психологического направления и современной теорией речевой деятельности, речь является

процессом становления смысла. Главной единицей смысловой организации предложения является *синтаксическая позиция*, поскольку она делает очевидным сходство содержательных признаков словоформ и фрагментов предложения, входящих в разные семантические классы, но которым предопределена системой языка одна и та же функция. «В понятии позиции выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения, в нем подчеркивается свойство, связанное с тем, членом какого отношения является данная грамматическая форма» [Ломтев 1976: 132]. Все глаголы и существительные со значением мысли-речи-чувства предопределяют синтаксическую позицию со значением факта или события; например: *Он утверждал следующее; Они утверждают, что вышли из дома в десять часов; Подтверждаем получение письма; Подтвердил, что видел Анну вчера вечером.*

Проблема культуры речи остро встает в XXI в.: в период социальных перемен в сфере употребления языка происходят активные процессы, которые показывают зоны влияния на нормы литературного языка диалектной речи и просторечия. Появление социальных групп, незнакомых с нормированной речью, использующих в своей жизни язык только на бытовом уровне, сказывается на чувстве стиля носителей языка и на грамотности, а также отражается на состоянии системы.

Исследование грамматических норм, определение причин их колебания и различных нарушений — это постоянный процесс изучения узуса, объяснения предпочтений в речевом поведении носителей языка и прогнозирование новых системных образцов. Кодификация норм происходит на основе применения объективных критериев нормативных оценок, и деятельность лингвиста во многом определяется современным уровнем развития науки и разработанной методологией исследований [Лазуткина 2011]. Преимущество метода, выработанного русским традиционным синтаксисом, состоит в разделении глагольных связей, обусловленных функционированием слова в словосочетании и в предложении.

В XXI в. изменения нормы сочетаемости глаголов и существительных в этом фрагменте синтаксической системы не наблюдается, но указанная ошибка встречается часто; ср.: **От Ирана требуются гарантии о ядерном нераспространении (ТВ); *Я понимаю о ваших интересах* (разг.).

Объяснение данных нарушений должно вестись на уровне синтаксиса предложения — в аспекте теории речевой деятельности. Эта падежная форма слабо связана с главенствующим словом словосочетания и в мгновенном, симультанном процессе порождения речи служит средством называния предмета речи.

Определенная функция, смысловая «нагрузка» делает эту падежную форму устойчивым синтаксическим образцом. Это позволяет ей употребляться абсолютно; например: *О самом главном; О футболе; О лексикализации дейктических средств.*

Обратное явление — употребление формы в род. пад. вместо формы в предл. пад. с предлогом «о» — следует отнести к случаям контаминации синтаксических связей. Ср.: **Я и не мечтал этого* (футболист Денис Черышев) вместо *Я и не мечтал об этом* или *Я и не ожидал этого.*

Литература

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Григорьев В. П. О нормализаторской деятельности и «языковом пяточке» // Вопросы культуры речи. Вып. III. М.: 1961. С. 3–20.

Кручинина И. Н. Формирование научного представления о грамматических свойствах слова // Русский язык в национальной школе. М.: 2015, №2. С. 3–16.

Лазуткина Е. М. Развитие критериев нормативности // Вопросы культуры речи. — М.: 2011. С. 16–26.

Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание: Избранные работы. — М.: Наука, 1976. 384 с.

Панов М. В. О литературном языке // Русский язык в национальной школе, 1972, №1. С. 9–19.

Попова З. Д. Просторечное употребление падежных форм и литературная норма // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 176–186.

Шмелев Д. Н. Литературный язык и язык художественной литературы // Шмелев Д. Н. Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 653–672.

Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974. С. 24–39.

Е. М. Lazutkina

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lazutkelen@yandex.ru*

V. P. GRIGOR'EV ON THE NORMALIZING ACTIVITY OF LINGUISTS

The article describes the scientific views of V. P. Grigor'ev on the processes of normalization of the literary language and tells about his work published in the journal «Problems of Speech Culture» in 1961, that was a response to the article by writer A. Yugov in «Literaturnaya Gazeta». The article considered incorrect constructions of the type *ukazyvat' o* and *problema o*. A. Yugov negatively treated the normalization activity of linguists. Polemizing with Yugov, V. P. Grigor'ev explains that the concept of «literary language» is not identical to the concept of «language of fiction». He believes that improving speech culture in society depends on the active work of linguists.

The author of the article shows that in the 21st century there is no change in this fragment of the syntactic system. To explain the reasons for the mass error, the author suggests using the important concept of the «syntactic position» and the method developed

by the traditional syntax, which consists in the separation of the verbal relations caused by the functioning of the lexeme in the phrase and in the sentence.

The form with the preposition *o* has a weak connection with the main word and a constant function of naming the subject of speech. This helps to form a syntactic cliché.

Key words: literary Russian language, sentence syntax, normalizing activity of linguists.

References

Grigor'ev V. P. [About the normalization activity and the «language patch»]. *Voprosy kul'tury rechi*, no. 3. Moscow, 1961, pp. 3–20. (In Russ.).

Kruchinina I. N. [Formation of a scientific understanding of the grammatical properties of a word]. *Russkii yazyk v natsional'noi shkole*, 2015. no. 2, pp. 3–16. (In Russ.).

Lazutkina E. M. [Development of criteria of normativity]. *Voprosy kul'tury rechi*, no. 10. Moscow, 2011, pp. 16–26 (In Russ.).

Lomtev T. P. *Obshchee i russkoie yazykoznanie: Izbrannyye raboty*. [General and Russian linguistics: Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 384 p.

Panov M. V. [About literary language]. *Russkii iazyk v natsional'noi shkole*, 1972, no. 1, pp. 9–19. (In Russ.).

Popova Z. D. [The non-standard use of case forms and the literary norm]. *Sintaksis i norma* [Syntax and norm]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 176–186. (In Russ.).

Shmelev D. N. [Literary language and language of fiction]. Shmelev D. N. *Izbrannyye trudy po russkomu iazyku*. [Selected works on the Russian language]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002, pp. 653–672. (In Russ.).

Shcherba L. V. [About language system and about experiment in linguistics]. *Shcherba L. V. Yazykovaia sistema i rechevaya deyatel'nos't*. [Language system and speech]. Leningrad, 1974, pp. 24–39. (In Russ.).

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. [Russian language. Grammatical doctrine of the word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1947. 784 p.